

УДК [811.161.1:811.161.2]’373’42

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НОМИНАЦИЙ РОДСТВА КАК ОСНОВА ОБРАЗОВ-СТЕРЕОТИПОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ

Ж.В. Марфина (Луганск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Способы ассоциативно-образного моделирования поэтического субпространства с учетом архетипов языкового сознания представителей той или иной лингвокультуры являются одной из актуальных задач современной лингвистики. В статье рассматривается проблема детерминации ассоциативных и образных структур поэтического языка экстралингвистическими факторами. На основе функции номинаций родства в языке русской и украинской поэзии XX в. анализируются несколько ключевых моделей метафорического словоупотребления этих слов-поэтизмов, с которыми связаны явления идеологизации поэтического контекста в целом и новой мифопоэтики в частности.

Цель работы – проанализировать ассоциативно-образные связи номинаций родства и ключевые модели образной стереотипизации в русском и украинском поэтическом субпространстве XX в.

Материалом исследования послужили тексты русской и украинской поэзии XX в.

Основные методы исследования: лексико-семантический анализ, описательный и сопоставительный методы.

Выводы. Использование номинаций родства в структуре поэтизмов-идеологем представлено в связи с процессами развития поэтической и общелингвистической семантики номинаций родства, передающих значения ‘патриот’, ‘родной’, ‘дружба’ и под. Проанализированные контексты продемонстрировали высокую активность поэтического словоупотребления номинаций родства в структуре генитивной метафоры, компаративных конструкциях и ассоциативно-образных моделях с приложением, которые формируют образы-стереотипы, образы-идеологемы (*мать-земля, сын-земли, Родина-мать, сыны (дочери, дети) народа* и пр.).

Ключевые слова: *номинации родства, поэтическое субпространство, стереотип, идеологема, метафора, мифопоэтика, ассоциат, семантический признак.*

Постановка проблемы и обзор литературы. Язык художественной литературы всегда быстро откликается на процессы, происходящие в обществе. По наблюдениям исследователей, XX в. был периодом создания разного рода мифов, в т.ч. идеологических, политических, а также общественных стереотипов «именно в аспекте мифологизации современных бытовых составляющих» [Погребная, 2021].

Вопросы содержания понятия «стереотип», характеристики, типологии, их репрезентантов, условий его формирования в языке, в т.ч. в поэтическом субпространстве, поднимались в ряде лингвофилософских, социолингвистических лингвокультурологических исследований [Алефиренко, Жаркынбекова, 2014; Бартминьский, 2009; Вилинбахова, 2010; Вострикова, 2019; Петрова, 2013; Прожилов, 2013].

В частности, ученые отмечают, что только те понятия являются основой для создания стереотипов, в состав которых входят социальные компоненты, обозначающие социально значимые для носителя языка предметы или явления окружающей действительности. «В языке закрепляются не все, а лишь активные для человека и его жизнедеятельности явления и предметы, причем то, что актуально для одного народа, может быть неактуально для другого» [Петрова, 2013, с. 156].

Несмотря на значительное внимание со стороны исследователей к проблемам языковой стереотипизации, все еще недостаточно освещены вопросы формирования мифопоэтических словесных образов в художественном (в частности, поэтическом) субпространстве, что и обуславливает актуальность нашей работы.

Цель нашего исследования – проанализировать ассоциативно-образные связи номинаций родства и ключевые модели образной стереотипизации в русском и украинском поэтическом субпространстве XX в.

Материалом исследования послужили поэтические контексты русских и украинских авторов XX в., представленные в «Национальном корпусе русского языка» и в «Корпусе української мови» электронного ресурса «MOVA.info (лінгвістичний портал)» (рус. «Корпус украинского языка» «MOVA.info (лингвистический портал)»).

Основные *методы*, используемые в данном исследовании, – лексико-семантический анализ, описательный и сопоставительный методы.

Результаты исследования. Многочисленные исследования показали, что создание общественно-политических мифов привели к формированию в поэтическом субпространстве языковых образов-стереотипов, в частности на базе семантики номинаций родства (далее – НР), которые реализуются в тропах, фигурах, синтагматических моделях, словах-символах [Марфина, 2017]. Тиражирование устоявшихся в фольклоре ассоциативно-образных связей в языке поэзии XX в., связанное с экстралингвальными общественно-политическими факторами, повлияло на формирование новых поэтических стереотипов.

Так, одними из наиболее характерных были *мать-земля – сын земли* (укр. *земля-мати – син землі*); *Отчизна (Родина)-мать – сын, сыны (дочь) Отчизны, России* (укр. *мати-Батьківщина – син (дочка) Батьківщини*), *сын (дочь) народа* (укр. *сини (дочка) народу*).

Мать-земля / матушка-земля (укр. *земля-мати*) – **сын земли** (укр. *син землі*). Слово *земля* является носителем нескольких значений, в частности, с определением-существительным *мать* (укр. *мати*) оно содержит символическую знаковость *Родина* (укр. *Батьківщина*). Общеизвестно, что образ матери-земли приобрел символическое значение в устном народном творчестве восточнославянских народов.

Ассоциат *земля* в русском и украинском поэтическом субпространстве XX в. входит в ряд атрибутивных соединений, в которых эпитет является носителем следующих семантических признаков:

а) постоянный народно-поэтический (*сырая* (укр. *сира*)): ...*Ох, расступися-ко ты, мать сыра земля, Да расколися-ко гробова доска, Да уж ты свейся*

бел-тонкой саван, Да развейся полотенешко... (А. Туфанов); *О, Мать-Сыра Земля, Открой благоволя, Сокровищницы недр, жнивьем укрытых* (В. Селицкий); *Пишалася ними [богами] Мати – Сыра Земля»* (А. Бортняк); *Біга осінь – пужити киями Землю – матінку сиру З нависними вереміями Віє мряку на пару* (О. Близько);

б) возраст определяемого (*старенькая* (укр. *старенька*), *седая* (укр. *сива*), *древняя* и подоб.): *Даром, что, к портъере припадая, вспомнив про весеннего шмеля, глянул я в окно, а там – седая, сплошь седым-седая мать-земля* (В. Гордейчев); *Древняя, отчая Матерь-земля Стала как доченька Для меня* (И. Кобзев); *Я чую: ридає за ними Земля, Сива, старенька мати, Одурена своїми синами* (В. Симоненко);

в) плодородие (*щедрая, богатая* (укр. *багата*): *Щедрая, щедрая Матушка-Земля! Щедрые нивы, щедрые поля!* (И. Шевченко); ...клаптик щедрості брав я у тебе – у незмірно багатой мамі-землі» (В. Симоненко);

г) субъективная оценка (*родная* (укр. *рідна*), *дорогая* (укр. *дорога*), *любимая* (укр. *кохана*) и подоб.): *Чуть горит зари полоска узкая, Золотая, тихая струя... Ой, ты, мать-земля родная, русская, Дорогая родина моя!* (И. Молчанов); *Рідна земле, кохана мати, Хай буде неважко лежати* (В. Коломиец).

Для анализируемой стереотипной ассоциации как структуры с приложением характерна функция обращения. Зафиксировано, что определение часто выражено двух- или трехчленным соединением, в составе которого зачастую употребляется местоименное прилагательное *мой, наш* в функции усилительной частицы к НР *мать* (укр. *мати* (*нень*)): *Мать-земля моя родная, Страна моя лесная, Приднепровский отчий край, Здравствуй, сына привечай!* (Д. Андреев); *Земля, земля – родная мать! Поговори с любимым сыном...* (М. Исаковский); *Мать земля родная наша! В дни беды и в дни побед Нет тебя светлей и краше И желанней сердцу нет* (А. Твардовский); *Земле! Моя ти рідна, люба нене! Вітай мене зі святами, з весною!* (Б. Лепкий); *О, рідна земле, люба моя нене, Чому, припавши до твоїх грудей, Я тільки плачу, як дитя нужденне* (П. Воронько).

В приложении, входящем в структуру обращения, например *о земле радянська – моя мати* (рус. *о земля советская – моя мать*), эпитет с общественно-политическим содержанием конкретизирует семантику означаемого: *земля – страна, государство* (укр. *країна, держава*), ср.: *О земле радянська моя – моя мати, Чому ж ти в стократ нам Дорожча тепер!* (М. Стельмах); *Советская Россия, Родная наша мать! Каким высоким словом Мне подвиг твой назвать?* (М. Исаковский).

Как вариантные ассоциативные структурные трансформации рассматриваем конструкции обращений с приложением, представленные в украинском поэтическом субпространстве, например: *земле мати – земле наша мати (нене)* (*О земле-мати, земле наша мати, Вантажника в могилу поклади...* (А. Малишко); *Багата будь ти, земле, наша нене! Люблю твоє поритеє чоло!* (П. Тичина)).

Среди анализируемых примеров поэтического употребления НР *мать* (укр. *мати*) как устойчивого ассоциата *земли* находим такие, где эта структура

с приложением «погружена» в стилизованный народно-песенный контекст. Итак, фольклорность в стилистике поэтического языка поддерживается употреблением характерных лексем *горлица* (укр. *горлиця*), *журавль* (укр. *журавель*), *заря* (укр. *зоря*), *тополь* (укр. *тополя*), народно-поэтических фигур повторения, эпитетов *вечерний* (укр. *вечірній*), *ширококрылый* (*ширококрилий*): *І хати, неначе горлиці, Розлітаються в імлі, І тополя шепче, горнеться Все до матері-землі* (А. Малышко); *Вечірня путь Димками віє, з-понад них В вечірніх зорях молодих Ширококрилі журавлі Летять до матері-землі* (А. Малышко).

Внутренняя сема приложения *мать-земля* (укр. *земля-матір*) – ‘щедрость’ – эксплицируется в контекстуальном окружении: *О, Матушка, земля родная! В тебе такая благодать! Другой земли такой не знаю, Ты для меня вторая мать. Богата пашнею, лесами, Лугов, полей в достатке есть. Своими радуешь дарами, За что тебе почет и честь!* (Н. Мединская) – сема актуализируется номинациями (*благодать, достаток, дары*) и предикатами (*радовать*) соответствующей семантики; *Учись, людино, в матері-землі Добра святого, щедрості й любові! Вона ж бере зерниночки малі, А віддає плоди, важкі й медові* (И. Савич) – контекстуальную ассоциативность создает повтор общекорневых лексем (*щедрість, щедрота*), усиливается логико-семантическим противопоставлением словосочетаний (*бере зерниночки – віддає плоди*).

Иногда роль определения замещает НР *бабуся*, которая сопрягается с номинацией *земля* на основе семы ‘возраст’: – *Земле-бабусю, ти втомилася, сядь... – В мені отрута іншого пізнання* (О. Горкуша). Ассоциативная сема поддерживается дистантным окружением приложения, в частности глаголом *втомилася* (рус. *устала*).

В сопоставительном стереотипном ассоциате *мать-земля* (укр. *мати-земля*) – *сын земли* (укр. *син землі*) первый компонент имеет семантический аналог ‘родная земля’. Соответственно, второй компонент семантически декодируется как ‘сын родной земли’, то есть ‘патриот’, то есть внутренняя сема ассоциата – ‘преданность’, ‘принадлежность’. Она связана с выражением посессивных отношений.

Структурный элемент анализируемой стереотипной ассоциации **сын земли** – генитивная метафора. Как правило, это образное соединение употребляется в общественно-политических контекстах с характерной эпитетизацией, экспрессией глаголов (*Вставай, Седов, отважный сын земли!* (Н. Заболоцкий); *Иду печальным, сиротливым... на свет загадочных огней, И не понять вам, пошлым, лживым, Тоски губительной моей... Я сын земли, но я не с вами!* (А. Ширяевец); *А ми – сини землі, і матері синами Пишатимуться вік, бо це їх рідна кров* (М. Подолян); *І каменярь, що трощить скелі, І той, хто садить сад в пустелі – Землі радянської це син!* (М. Рыльский)); публицистической символикой (*О, этот Лермонтов опальный, сын нашей собственной земли, чьи строки, как удар кинжальный, под сердце самое вошли!* (Я. Смеляков); *Невідома правда неба сину грішному землі, Сонце й зорі В гірнім морі Нам горять, зорять у млі...* (Г. Чупринка)).

Экспрессия метафоры *сын земли* модифицируется в украинских поэтических контекстах, семантическое содержание которых указывает на значение ‘деятель’, ‘селянин’, ‘труженик’: *Но если мы – сыны земли и вправду люди, Мы матери родной во всем послушны будем, И тот не человек, и сердце в том мертво, Кто жил и для людей не сделал ничего* (Б. Лившиц); *Идуть вони в обійстя у свої, сільчан ласкавим поглядом зігріті. Сини землі* (Д. Кононенко); *Він чув, він чув! – Ах, землю розтрощити, Створити землю, дати радість їм, Синам землі?* (М. Рыльский).

Как лексико-семантический вариант структурно-семантической ассоциации рассматриваем словосочетание *дитя (дети) земли*, являющееся синонимическим образованием к анализируемому выше сочетанию и имеет значение ‘потомок’: *Я, дитя земли, пылинка космоса, Факел жизни по земле несу, Но судьба часам моим отмеренным Счет ведет кукушкою в лесу* (Н. Мешко); *Я готовий повірити в царство небесне, бо не хочу, щоб в землю ішли без сліда безіменні, святі, незрівнянно чудесні, горді діти землі, вірні діти труда* (В. Симоненко).

Родина-Мать (укр. *Мати-Батьківщина*) – **сын/дочь Родины/России** (укр. **син/дочка Батьківщини/України**) – **сыновья/дочери народа** (укр. **сини/дочка народу**). Если модель с приложением *мать-земля* имеет значение ‘родная земля’, то сочетание *Родина-мать* воспринимается как родная земля с локальным конкретизатором (такая ассоциативная связь отображена в моделях поэтических синтагм *мать + имя собственное* (Родина, Отчизна, Россия, Русь, Греция, Литва и пр.).

Для поэзии 40–80-х гг. XX в. характерны: а) антропоморфизированное восприятие страны проживания; б) преобразование стереотипных ассоциатов в идеологемы, мифологемы.

Например, образ *Родины* (укр. *Батьківщини*) представлен как живое существо, наделенное способностью переживать определенные чувства: *И вновь начнет кукушка куковать. Счастливой станешь ты, Отчизна-мать* (В. Валайтис); *І роси падають в траву, Гарячі роси падають в траву, Як сльози матері Росії* (Д. Луценко). *Родина (Россия)-мать* – образ персонифицированный, олицетворяющий поддержку, опору для жителей страны: *Сквозь дым и гром Россия-мать Своих солдат ведет* (А. Смердов); *Свого життя малесенькі зернини Кладу в долоні нені – Батьківщини* (Л. Горбенко). Средством интимизации общественно-политических реалий является построение различных по логико-семантическому содержанию, широте охвата амплификационных рядов, как, например, в русском поэтическом субпространстве: *Чтоб остались от орды поганой только безыменные курганы, Чтоб, как встарь, стояла величаво Мать Россия, Наша жизнь и слава!* (Д. Кедрин); *И просились простые к ней из сердца слова: «Мать родная, Россия, Москва, Москва...»* (А. Твардовский).

Статус идеологических стереотипов придают структурам с приложением: 1) эпитетные определения возвышенно-торжественного звучания: *широкая, священная, крепкая, свободная* (укр. *вільна*), *светлая*, (укр. *світла*): *Священная Родина-мать, крепкая и свободная... Дружбы народов опора навек...*

(О. Рыбальченко); *І пішла вогнем палити, ворога карати, щоб була навіки вільна Батьківщина-мати* (П. Тычина); *Мир нашій матері – світлій Вітчизні, Нашій радянській могутній землі!* (А. Малышко); 2) сочетаемость с местоименными прилагательными с семьей, указывающей на охват большого количества людей: *Советская Отчизна, Родная наша мать! Каким высоким словом Мне подвиг твой назвать?* (М. Исаковский); *Ох ты, матушка наша Россия, расставаться с тобой нелегко* (О. Берггольц); *Я з вами в будні і у свята, Одні в нас думи і діла: Аби Вітчизна, наша мати, повік щасливою була* (Д. Кононенко); 3) функционирование в составе риторического восклицательного обращения с повелительной модальностью: *– Россия-мать, Россия-мать, – Доныне сын твердит, – Иди хозяина встречай, Он под окном стоит* (Ю. Кузнецов); *Суди нам, рідна мати Батьківщино, На свято слово добре принести!* (М. Стельмах).

Процесс мифологизации поэтических стереотипных языковых образов особенно усилился в 40-е военные годы. В это время для языка поэзии были характерны риторические вопросительные фигуры, в составе которых имеются анализируемые структуры с приложением: *Ти, Україно багата, Наша страдниця, мати, Чом ти нині, небого, Невесела, убога?* (М. Шпак).

В поэзии этого периода засвидетельствованы и публицистически маркированные контексты: *Россия-мать, идущих в бой Благослови скорей! Вернем весенний шум лесов, Ромашки на лугу... За край родной, страну отцов Идем – И смерть врагу!* (А. Прокофьев). Публицистическая экспрессия создается рядом словосочетаний *идущих в бой благослови, смерть врагу* и генитивной конструкцией *страна отцов*.

В языке поэзии слово-образ Родины, воплощенный в номинациях *Отчизна* (укр. *Вітчизна*), *родная сторона* (укр. *рідна сторона*), *земля родная* (укр. *рідна*), *советская* (укр. *радянська*), разворачивался при участии многочисленных компаративов с НР – традиционных и индивидуально-авторских. Так, традиционность проявлялась в том, что сравнение *Родины с матерью* актуализировало метафору, раскрывая вторичные семы и признаки субъекта. Чаще всего в изображении анализируемого слова-образа авторы прибегали к приему антропоморфизации, мотивирующей метафорическое содержание глаголов *постареть, окликать, нахилиться* (рус. *наклониться*), *прихилиться* (рус. *прильнуть*) и под.: *...И только будто постарела, Как в горе мать, сама земля...* (А. Твардовский); *И каждую ночь Большая земля, как мать, окликала своих сынов...* (И. Сельвинский); *Біля мене рідна сторона Прихилилась, мов старенька мати, Сумніви розкриливши свої* (М. Чернявский); *Тут вогонь пламеніє живий, Над могилами наших солдатів, А над ними земля, наче мати, Нахилилась в скорботі німій* (В. Бровченко). При этом с периферии извлекаются латентные семы 'страдание', 'опека', заложенные во внутритренней форме номинации *мать*. Через контекст (эпитеты *непереможна* (рус. *непобедимая*), *крилата* (рус. *крилатая*)) образ Отчизны наделяется сверхкачествами, ассоциируется с вечностью, мифической сверхсилой: *Непереможна і крилата Іде вона [Отчизна] до світлих днів, Та, як і кожна рідна мати, Не забува своїх синів* (И. Светличный).

В перифразе *матери-сестры* (укр. *матері-сестри*) обе части синтагматической модели взаимно усиливают друг друга: *Дві мужні матері-сестри* [Украина и Белоруссия] – *Співаче, друже мій і брате! – Одной поклялись пори меча із рук не випускати* (М. Рыльский). Эта структура является вторичной номинацией, поэтическим воплощением мифа дружбы народов двух государств.

В языке поэзии 80–90-х гг. XX в. прослеживается снижение экспрессивной окраски структур с приложением. Так, встречаем контексты с ироничным колоритом чужого слова, поддерживаемым и фразеологическими единицами (*плювати кров'ю* (рус. *плевать кровью*)), словами с негативной коннотацией (*морди* (рус. *морды*), *ляжки*, *мачеха*): *Де ви [бандеровцы] ішли – там пуста і руїна, І трупи не вміщалися до ям – Плювала кров'ю «ненька Україна» У морди вам і вашим хазяям* (В. Симоненко); *...целую, припав, твои ляжки в рубашке из майской каши, мать-мачеха, Украина!* (Я. Сатуновский).

В русском поэтическом субпространстве представлен метонимический образ Москвы, олицетворяющий соответственно Россию: *И Москва улыбнулась чуть, поправляя свои седины, словно мать, что в нелегкий путь собирает родного сына* (Я. Смеляков); *Потом не раз из дальней дали на помощь родине твоей Москва и Волга посылали своих отцов и сыновей* (Я. Смеляков).

Метафора *сын земли* (укр. *син землі*) – ‘патриот’ имеет семантический вариант с локальным этнонациональным компонентом (*сыновья Чехии – чехи*), выражаемый собственным названием (*Россия, Белоруссия, Болгария, Германия* пр.): *Тебе фашизм горше яда, Ты сын России вроде бы, И ничего тебе не надо, Кромья родимой Родины* (И. Сельвинский); *Пред горестью безмерною сей маленькой страны, Что чувствуете, Германы: Германин сыны?* (М. Цветаева); *Які провалля та руїни, Які колючі бур'яни! І в них Болгарії сини* (П. Воронько). Такое же значение имеет модель структуры с приложением *дочь + имя собственное*: *Я – россиянка, дочь моей России, я в ней живу недели, годы, век Под небом синим, у речушки синей, И помню, что я – русский человек!* (Г. Дербенева).

Идеологическое содержание ассоциаций формируется не только в структуре анализируемых генитивных метафор-перифраз, но и при поддержке атрибутов НР с соответствующей коннотацией – *великий, верный* (укр. *вірний*), *любимый*, (укр. *любий*) и под.: *Се – великий сын России, хоть и правящего класса!* (И. Бродский); *Меж тем как вы, упорно попирая, Его хулите – вам же на беду – России верный сын, его всегда я Блюду* (И. Прутков); *Ти наш пісняр, ти наш акин, Вітчизни любий, вірний син, Поет її коханий* (П. Усенко).

Часто поэты используют модель перифрастической метафоры, которая как средство вторичной номинации выделяет тот или иной признак денотата, например: *сыновья Грузии* (укр. *сини Грузії*) – сыновья Низами и Руставели (укр. *сини Нізамі й Руставелі*); *сыновья Испании* (укр. *сини Іспанії*) – сыновья Дон-Кихота (укр. *сини Дон-Кіхота*) и под.: *Ти зламав століть гранітні скелі 3 Нізамі синами й Руставелі* (М. Рильский); *Стогнала земля під металом, Німіла від жаху трава, А він про полтавку Галю Синам Дон-Кіхота співав* (Б. Олейник). Примечательно, что поэтический контекст имеет определенную имплицитность: в тексте

ассоциат не называется, но воображение о нем у читающего возникает под влиянием заголовка стихотворения. Как отмечает Н.А. Кожевникова, «одна из разновидностей удвоения возникает как результат соотношения заголовка и текста. Заголовок содержит прямое обозначение, в тексте ему соответствует метафора» [Кожевникова, 1986, с. 49].

Структурно-семантической модификацией генитивной метафоры *сын* (*сыновья*) *народа* является такой ассоциативный исторический аналог, как *сыны Советского Союза / Страны Советов* (укр. *сини Радянського Союзу*): **Народа своего сын смелый, Народа своего сын милый, Ты – там, мы – тут, и никакой силой нам снова дух твой не вселить в тело** (К. Симонов); **Мы Советского Союза Верные сыны** (Е. Полонская); **Я в Партию иду. Я – сын Страны Советов** (А. Безыменский); **Ми всі, як є, великі й горді тим, Що ми – сини Радянського Союзу** (П. Усенко).

Для поэтического субпространства второй половины XX в. были актуальными такие стереотипные ассоциативные комплексы, которые с современной точки зрения оцениваем как **идеологемы-историзмы**. Среди них: 1) модель генитивной метафоры «*сыновья (сыны) партии* + эпитет с высокой положительной аксиологической семантикой»: **Единой партии сыны И неразрывен, крепок, Прочен, Как серп и молот, наш Союз...** (П. Васильев); **Тому він з пристрастю такою Малює море без країв, Часи не сну, а неспокою, Великих партії синів** (М. Рыльский); 2) модель с приложением «*собственное имя исторической фигуры* + прилагательное местоимение (*наш*) + *отец* (укр. *батько*)»: **Он Родину сделал несокрушимой, Он – Конституции нашей творец, Великий и близкий, простой и любимый, Сталин – учитель, наш друг и отец** (В. Лебедев-Кумач); **Нас кличе батько наш Ілліч** (Д. Фальковский); 3) модель с приложением «*выразитель политических взглядов* + НР»: **О, за що молитесь, раби, Батьки мої, За комунара-сина?!** (П. Усенко); 4) атрибутивная модель «*эпитет со значением 'социальная принадлежность'* + НР»: **По всем путям своей страны Вдаль городов и пашен, Идут крестьянские сыны, Идут ребята наши** (А. Твардовский); **Мы сыны батрацкие. Мы за новый мир...** (М. Голодный).

Конкретно-чувственное содержание анализируемых стереотипных ассоциатов подчеркивают сравнения, в которых субъект сопоставляется с НР-объектом действия, ср.: **Все мы жили единой огромной страной И гордились Россией, как мамой родной** (Л. Осокина); **Я до тебе, дорога, полинув, Тільки час бажаний не настав – І тому пробач мені, як сину, Що листів так довго не писав** (Е. Долман).

В языке поэзии XX в. образ *Родины* ассоциативно связан с другими стереотипными образами, например *родного дома* (укр. *рідної хати*). Так, сопоставление в языке классической украинской поэзии бытовой реалии *хата* с НР *мати* построено на зрительных ассоциациях: **Стояла хата, наче мати боса, по самі вікна у тумані снів** (Н. Давидовская). Образ хаты символизирует родной край, скорбь, счастье и в поэзии персонифицируется в сравнении с матерью, приобретая черты чувственного существа: **А десь далеко, край села, стоїть зажурена хатина і жде його [солдата], як мати сина, притулок щастя і тепла** (В. Сосюра).

В языке поэзии XX в. тиражировались мифопоэтические словосочетания с семей 'дружба', которая, в частности, воплощалась в сопоставительных стереотипных ассоциатах **братья-народы** (укр. **брати-народи**) – **братья** (укр. **брати**) + **название национальности**, например: *Як спільно и здружено в однім чутті любові З'єдналися брати-народи наші всі* (Н. Бажан).

В компаративных моделях НР **братья** как объект сравнения может усиливать контекстуально синонимичное название **друзья**, с которым он находится в одном амплификационном ряду в сильной позиции конца строфы: *Ты доберись. Я буду рад. Теперь ты мне как друг, как брат* (И. Муслимов); *І дивляться на нас трудящі світу, і горнутья – як друзі, як брати* (П. Тычина).

В мифопоэтике гражданской поэзии XX в. фиксируем структурно-семантическую модификацию приложения **народы-братья** – ассоциатив с этнонациональным компонентом: *Я люблю тебя, брат-белорус, Не теряешься в смутное время!* (А. Краснов); *Наш народ переміг, – і за ним Проторованим шляхом ясним Йдуть поляки, болгары-брати, Йдуть китайці* (П. Воронько).

Типичным для поэзии 40–80-х гг. XX в. является употребление из роли означаемого названия лица по месту, территории проживания. Такая модель характерна для НР-атрибута **сестра**, как, например, в украинском поэтическом субпространстве: *Скільки сердець відкритих в радості тій знайшлося, Сестро моя, німкене, злий же ганеби сльози!* (Л. Забашта).

НР **брат** и **сестра** – центральные для выражения семы 'родной'. Ср.: *Мій Урал і Донбас мій, несхитно залізні, Як брати нерозлучні, як два сталевари!* (А. Малышко). Такая ассоциативная сочетаемость обусловлена прагматическими факторами, в частности политическим устройством общества: в них отражены политико-экономические, культурные, общественные отношения между странами, регионами и т.д. на определенном историческом этапе.

В зависимости от контекста варьируется структура генитивной метафоры с инвариантом **семья народов**: *Слався, великая, многоязыкая, братских советских народов семья* (Н. Асеев); *О, русская земля, – В кровавых родах Великая семья Твоих народов Тебя врагу не выдаст!* (Г. Оболдуев). В производных соединениях генитив конкретизирует территориальное или профессиональное объединение людей: *Да здравствует наша большая семья Советских республик привольных!* (В. Лебедев-Кумач); *Рідна земле, у красі і в силі. У своєму щасті зацвітай. ...Ти стоїш за друга і за брата, За республік вольную сім'ю* (А. Малышко); *Все в биографии моей: Дверь комсомольского райкома, Семья испытанных друзей* (А. Фатьянов); *Герої славою повиті, Зоріє кожного ім'я Летить ясна над хмарним світом Радянських льотчиків сім'я* (П. Усенко).

Все вышеуказанное дает основания сделать вывод о том, что и в русском, и в украинском поэтических субпространствах XX в. весьма активными являются устойчивые ассоциативные связи номинаций родства, ставших основой мифопоэтических словесных образов. Они устоялись в сознании говорящих, то есть были контекстуально прогнозируемыми, предсказуемыми. Это явление имеет

исторический характер: коннотация названий родства в разные периоды развития восточнославянских (в данном случае русского и украинского) литературных языков меняется с положительной на отрицательную или теряет свою выразительность.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф., Жаркынбекова Ш.К. Языковые стереотипы этнокультурного пространства // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Сер.: Филология. 2014. № 3 (100). С. 11–21.
2. Бартминьский Е. Базовые стереотипы и их профилирование // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 11–21.
3. Вилинбахова Е.Л. Речевые репрезентации стереотипов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. 2010. Вып. 2. С. 87–92.
4. Вострикова О.П. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4, т. 10. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/38FLSK419.pdf> (дата обращения: 06.11.2023).
5. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. М.: Наука, 1986. 253 с.
6. Корпус української мови [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (дата обращения: 25.11.2022).
7. Марфина Ж.В. Воплощение концептуальной цепочки *мать/matir* ↔ *Родина/Батьківщина* в русской и украинской поэтических картинах мира // III Фирсовские чтения. Лингвистика в XXI в.: Междисциплинарные парадигмы: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 ноября 2017 г. М.: РУДН, 2017. С. 264–269.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.03.2023).
9. Петрова А.П. Этнокультурная специфика речевого поведения саха // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12, ч. 2. С. 156–160.
10. Погребная Я.В. Актуальные проблемы современной мифопоэтики [Электронный ресурс]. М.: ФЛИНТА, 2021. 322 с.
11. Прожилов А.В. К вопросу о стереотипах в лингвистике // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stereotipah-v-lingvistike> (дата обращения: 17.10.2023).

Сведения об авторе

Марфина Жанна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, ректор, Луганский государственный педагогический университет; e-mail: marfina.zhanna@mail.ru

ASSOCIATIVE POTENTIAL OF KINSHIP NOMINATIONS AS THE BASIS FOR IMAGES-STEREOTYPES IN POETIC SUBSPACE

Zh.V. Marfina (Lugansk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The ways of associative-imagery modeling of poetic subspace taking into account the archetypes of the linguistic consciousness of representatives of a particular linguistic culture are one of the relevant tasks of modern linguistics. The article considers the problem of determination of associative and imagery structures of poetic language by extralinguistic factors. Based on the functions of kinship nominations in the language of Russian and Ukrainian poetry of the 20th century, several key models are analyzed of metaphorical word usage of these poetic words, which are associated with phenomena of ideologization of the poetic context as a whole and new mythopoetics in particular.

The purpose of the article is to analyze the associative-imagery connections of kinship nominations and key models of image stereotyping in Russian and Ukrainian poetic subspace of the 20th century.

The material for the study consists of the contexts of Russian and Ukrainian poetry of the 20th century.

The main research methods are lexical-semantic analysis, descriptive, and comparative methods.

Conclusions. The use of kinship names in the structure of poetic ideologemes is presented in connection with the processes of development of poetic and general linguistic semantics of kinship names, conveying meanings such as ‘patriot’, ‘native’, ‘friendship’, etc. The analyzed contexts demonstrated the high activity of poetic word usage of kinship names in the structure of genitive metaphor, comparative constructions, and associative-imagery models with applications, which form images-stereotypes, images-ideologemes (mother-earth, son of the land, Homeland-mother, sons of the people, etc.).

Keywords: *kinship nominations, poetic subspace, stereotype, ideologeme, metaphor, mythopoetics, associate, semantic feature.*

References

1. Alefirenko N.F., Zharkynbekova Sh.K. Language stereotypes of ethnocultural space // Bulletin of Eurasian National University named after L.N. Gumilyov. Series: Philology. 2014. No. 3 (100). P. 11–21.
2. Bartminskiy E. Basic stereotypes and their profiling // Stereotypes in language, communication, culture: collection of articles. Moscow: RSUH, 2009. P. 11–21.
3. Vilinbakhova E.L. Speech representations of stereotypes // Bulletin of Saint Petersburg State University. Language and literature. 2010. Is. 2. P. 87–92.
4. Vostrilkova O.P. The World of Science. Sociology, philology, culturology. 2019. No. 4, vol. 10. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/38FLSK419.pdf> (access date: 06.11.2023).
5. Kozhevnikova N.A. Word usage in early 20th century Russian poetry. Moscow: Nauka, 1986. 253 p.

6. Ukrainian web corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.mova.info/corpus.aspx> (access date: 25.11.2022).
7. Marfina Zh.V. Embodiment of the conceptual chain mother / matir ↔ Motherland / Batkivshchyna in the Russian and Ukrainian poetic pictures of the world // IIII Firsovskie readings. Linguistics in the XXI century: Interdisciplinary paradigms: materials of reports and communications of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 14–15 November 2017. Moscow: RUDN, 2017. P. 264–269.
8. National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. URL: <https://rus-corpora.ru> (access date: 10.03.2023).
9. Petrova A.P. Ethnic and culture identity of Sakha verbal behaviour // Philological Sciences. Issues of theory and practice. Tambov: Gramota, 2013. No. 12. Part 2. P. 156–160.
10. Pogrebnaya Ya.V. Current problems of modern mythopoetics [Electronic resource]. Moscow: FLINTA, 2021. 322 p.
11. Prozhilov A.V. On the issue of stereotypes in linguistics // Bulletin of N.F. Kaftanov Khakass State University. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-stereotipah-v-lingvistike> (access date: 17.10.2023).

About the author

Marfina, Zhanna Victorovna – PhD (Philology), Associate Professor, Rector, Lugansk State Pedagogical University (Lugansk, Lugansk People’s Republic, Russia); e-mail: marfina.zhanna@mail.ru